

Генрих Али Баба

Том III.

ХРОНОГРАФ.

Наследие Хронографа

Генрих Али Баба

**Том III. Хронограф.
Наследие Хронографа**

«Автор»

2026

Али Баба Г.

Том III. Хронограф. Наследие Хронографа / Г. Али Баба —
«Автор», 2026

Лондон, 1563 год. Хронограф уничтожен. Его Сердце погасло, а древний механизм превратился в руины. Казалось, тайна наконец закончилась. Но время не забыло тех, кто пытался им управлять. Когда Томас Элдридж обнаруживает, что враг вновь собирает механизм, становится ясно: разрушение Хронографа было лишь началом. В самом сердце королевской власти уже скрывается предатель, готовящийся запустить машину и переписать историю Англии. На этот раз Томасу предстоит столкнуться с противником, который способен видеть события на несколько мгновений вперёд. Чтобы победить его, Элдридж должен отказаться от предсказуемости и сделать то, чего Хронограф не способен рассчитать. Последняя битва за прошлое начинается. Но кто решится определить, каким станет будущее?

© Али Баба Г., 2026

© Автор, 2026

Генрих Апи Баба

Том III. Хронограф. Наследие Хронографа

III

ХРОНОГРАФ. Наследие Хронографа

Глава I. Тени дома на Стрэнде

Март в Лондон никогда не приходил с миром. Ни в этом году, ни годом раньше, ни в тот памятный год, когда огонь слизал половину пристаней Биллингсгейта. Восточный ветер, прилетавший с моря напрямик через устье Темзы, резал кожу не хуже старой цирюльничьей бритвы, а вместе с собой нёс липкие, кисловатые испарения реки — запах гниющих водорослей, смолы и чего-то ещё, чему горожане давно предпочли не подбирать имени. Утро тысяча пятьсот шестьдесят третьего года просыпалось нехотя, точно нищий, которого силой стащили с тёплой соломы: оно задышалось в сером киселе тумана, будто сама природа сомневалась, стоит ли вообще являть миру этот новый день. Темза — величайшая сточная канава империи, как называли её сами лондонцы без злобы, одной лишь усталой нежностью — тяжело ворочалась в илистых берегах, точно раненый зверь, и с каждым отливом выбрасывала на грязный берег обломки утлых лодчонок, гнилую солому и раздувшиеся тушки крыс. Солнце, если оно вообще взошло этим утром, казалось не более чем бледным, выцветшим пятном на закопчённом полотне неба — оно тщетно скреблось в него где-то над Стрэндом, не в силах прорвать плотную завесу дыма над бесчисленными печными трубами.

Дом сэра Томаса Элдриджа возвышался над мостовой точно угрюмый часовой, доставшийся городу в наследство от более суровых времён. Серый камень, из которого он был сложен, помнил, кажется, ещё войны Алой и Белой розы; узкие, глубоко посаженные окна напоминали не столько украшение фасада, сколько бойницы, а массивная дубовая дверь, окованная почерневшим от вечной лондонской сырости железом, довершала впечатление крепости, а не жилого дома. Именно так, вероятно, и предпочитал думать о своём жилище сам хозяин: дом, который умеет молчать, скрывающий за толстыми стенами жизнь человека, предпочитавшего, чтобы сама История о нём забыла.

Но это было снаружи. Внутри, за теми же стенами, царил совсем иной мир. Здесь пахло дгорающими дровами, подсохшим шалфеем, что связками висел под потолочными балками, и свежим хлебом из утренней печи. В большой зале на первом этаже в камине ещё теплилось оранжевое пламя, лениво облизывая почерневшие поленья, и свет огня танцевал по тёмным панелям мореного дуба, выхватывая из полумрака то тиснёные корешки на полке с книгами, то потускневшее серебро на тяжёлом буфете, доставшемся дому ещё от прежних хозяев.

На столе ждала утренняя трапеза, разложенная с той грубоватой заботой, что свойственна домам старой закалки, где хозяйство ведут не напоказ, а для тепла. От миски овсяного пудинга, сдобренного мёдом и щепоткой заморской корицы, поднимался пар, тающий в холодном утреннем воздухе. Рядом на оловянном блюде лежала копчёная сельдь с золотистой, обманчиво нарядной чешуёй; ломти хлеба, поджаренные на углях и щедро смазанные жёлтым маслом, соседствовали с головкой выдержанного кентского сыра, чей запах был так же крепок и упрям, как и стены этого дома. Тяжёлый глиняный кувшин, до краёв наполненный густым элем, потел каплями в тепле очага, будто и сам не знал покоя.

Сэр Томас Элдридж сидел в своём любимом кресле у окна, где свет был хоть немного ярче, чем в остальной зале, и не отрывал взгляда от письма. Время — та самая стихия, которую он когда-то пытался укротить собственными руками, — оставило на нём свои неизгладимые следы, и следы эти он носил без тщеславия и без стыда, как носят старую, хорошо пригнанную кольчугу. Ему перевалило за пятьдесят. Седина давно перестала быть гостьей на его висках — она белым инеем покрыла всю голову и коротко подстриженную бороду, придавая лицу

что-то от изваяния святого на паперти, только куда менее кроткого. Плечи, некогда казавшиеся непоколебимыми, чуть ссутулились, точно под тяжестью невидимых доспехов, которые он давно снял, но так и не научился не чувствовать на себе; впрочем, в самом их развороте всё ещё угадывалась прежняя мощь — мощь человека, который однажды носил офицерский шарф короны и не забыл, чего это стоило.

Лицо его превратилось в суровую маску из глубоких морщин и старых шрамов — не боевых отметин напоказ, а тех неприметных, что остаются от долгих переходов по солнцу и солённому ветру. Кожа потемнела от египетских песков и средиземноморских брызг, помнивших то, о чём Томас предпочитал не рассказывать даже дочери. Но стоило ему поднять глаза, как становилось ясно: этот человек не сломлен. Серые глаза, холодные, точно лондонский рассвет, сохранили пугающую остроту — остроту взгляда, который видит не просто движение чужой руки, а намерение, что стоит за этим движением; взгляда человека, для которого скрип половицы под чужой ногой — уже почти законченная история.

В руках он держал письмо — тонкий пергамент, пахнувший лавандой и дорогими чернилами, покрытый аккуратным, летящим женским почерком. Томас читал его уже в четвёртый раз, и с каждым разом палец его невольно возвращался к восковой печати с оттиснутым львом, точно проверяя, не оказалась ли она поддельной. Он знал этот почерк наизусть — знал так, как знают не буквы, а человека, который их выводит.

Тяжёлая занавеска в дверном проёме шелохнулась, и в комнату вошла молодая женщина. Она двигалась с той естественной грацией, которую нельзя приобрести при дворе, сколько бы уроков танцев ни было заплачено, — её шаг был лёгким, но уверенным, почти бесшумным, как у человека, привыкшего с детства ходить по дому, где чужие уши подслушивают чаще, чем хотелось бы. Элизабет была высока, с тонкими чертами лица, в которых угадывалась фамильная гордость, не нуждающаяся в гербе, чтобы её заметили. Тёмные, точно вороново крыло, волосы были перехвачены скромной лентой, открывавшей высокий лоб. В её глазах — глубоких, как ночное небо над Темзой — жил тот же огонь, что и у Эддриджа, только смягчённый женской мудростью, которую отец в ней узнавал с некоторой опаской: она умела видеть в людях то, что он сам предпочёл бы не замечать.

Она была дочерью Дороти Стаффорд. И она была дочерью Томаса. Секрет, который они хранили годами и который давно перестал быть просто тайной — он стал их общим щитом и их общей раной, той, что не болит каждый день, но и не заживает никогда до конца.

— Вы снова ведёте беседу с призраками прошлого, сэр Томас? — голос Элизабет прозвучал мягко, но в нём слышалась лёгкая ирония, которую она себе позволяла только здесь, в этих стенах, где никто не считал подобную дерзость неуместной.

Она остановилась у стола, поправляя складки шерстяного платья цвета спелой сливы, и потянулась к кувшину. Эддридж поднял глаза от письма. На мгновение лёд в его взгляде растаял, уступив место теплу, которое он позволял себе показывать лишь за этими закрытыми дверями, — тому теплу, которое двадцать лет службы короне научили его прятать от всех остальных.

— Это письмо — не призрак, Лиза. Это предупреждение, — он сложил пергамент аккуратными, почти ритуальными движениями, точно запечатывал клинок обратно в ножны. — Леди Дороти снова жалуется, что вы превращаетесь в затворника и слишком много времени проводите в своих архивах?

Элизабет улыбнулась, наливая эль в тяжёлую оловянную кружку. По комнате поплыл густой хлебный аромат, смешавшись с запахом дыма.

— Она пишет о другом, — коротко бросил Эддридж, и в его голосе, обычно ровном, впервые за это утро прорезалась усталость. Он усмехнулся — редко и скупое, лишь уголком губ, так, что усмешка эта больше напоминала гримасу. — Она пишет, что королева Елизавета стала подозрительной. После последних заговоров католиков в Уайтхолле пахнет гарью и страхом

сильнее, чем обычно. Тюдоры всегда хорошо чувят запах крови, Лиза. И сейчас им кажется, что кровь снова закипает под самыми ногами.

Элизабет спокойно отпила эля, глядя на пляшущий в камине огонь, будто искала в нём подтверждение или опровержение отцовским словам.

— При дворе Елизаветы Тюдор заговоры — такая же обыденность, как дождь в марте, — заметила она наконец. — Их плетут скучающие лорды, их душат в зародыше советники Сесила, и через месяц никто уже не помнит имён заговорщиков. Почему же именно это письмо заставило вас хмуриться сильнее обычного?

Элдридж не успел ответить. С улицы донёсся резкий, рваный звук, и оба замерли одновременно, будто сговорившись.

Бам! Бам-бам!

Стук в дверь был не просто громким — он был отчаянным, тем особым стуком, каким стучат люди, за которыми по пятам идёт сама Смерть, и она уже почти догнала. Томас поднялся со скоростью, неожиданной для человека его лет — годы не забирают того, что вбито в тело слишком многими рассветами на чужой земле. Его рука сама легла на эфес шпаги, висевшей на спинке кресла, и он замер, прислушиваясь, — так охотник вслушивается в шорох подлеска, не желая спугнуть зверя раньше времени.

— Кто бы это ни был, — тихо произнесла Элизабет, тоже отставляя кружку, — он принёс с собой холод.

Элдридж коротким жестом велел ей оставаться на месте и направился к дверям. Тяжёлый засов отодвинулся с протяжным, недовольным стоном. На пороге, окутанный клубами тумана, стоял человек, едва державшийся на ногах. Его некогда добротный плащ теперь был покрыт слоями дорожной пыли, засохшей грязью и тёмными пятнами, в природе которых сомневаться не приходилось. На скуле багровел свежий, сочащийся кровью синяк, а дыхание вырывалось из груди с хрипом, похожим на свист дырявых кузнечных мехов.

Это был Уильям Харроу — бывший сержант пехоты, ветеран множества забытых кампаний, а ныне верный пёс Элдриджа, выполнявший поручения, о которых не полагалось знать никому из тех, кто носит должность при дворе.

— Сэр Томас... — Харроу ввалился в прихожую, едва не сбив хозяина с ног. От него разило дешёвым вином, речной сыростью и холодной сталью.

— Спокойно, Уильям, — Элдридж перехватил его под руку, чувствуя, как крупная дрожь бьёт всё тело солдата, точно того трясёт неведомая лихорадка. — Закрой дверь, Элизабет.

Когда тяжёлый засов вновь встал на место, Харроу сполз по стене на пол, хватаясь за грудь, будто хотел удержать в ней собственное разбегающееся сердце.

— Ночью... на Флит-стрит... в «Чёрном кабане»... была бойня, — слова давались ему тяжело, вырываясь короткими рваными толчками, как кровь из открытой раны. — Трое убитых. Алхимик Николас и его люди. Резня была тихой и быстрой. Профессионалы, милорд. Настоящие мясники, а не грабители.

Элдридж молчал, но пульс его участился так, что стало слышно собственное сердце. Он чувствовал, как старая тревога, спавшая четыре долгих года, просыпается где-то в животе ледяным, тяжёлым комом.

— И что же они искали? — спросила Элизабет, опускаясь на колени рядом с солдатом и подавая ему воду из глиняной чашки. — Деньги? Бумаги?

— Нет, — Харроу вытер рот дрожащим рукавом и сунул руку во внутренний карман камзола, точно проверяя, на месте ли ещё то, что он там прятал. — Они искали предмет. То, что алхимик купил у моряка с египетского судна три недели назад. Я сам сторговал ему эту сделку, чтоб мне провалиться.

Он достал скомканный кусок дешёвой бумаги. На нём углем, дрожащей, торопливой рукой был набросан грубый эскиз — но и грубости этой хватило, чтобы у Элдриджа перехватило дыхание.

Он взял лист. Свет камина упал на рисунок, и для Томаса время на мгновение будто остановилось, точно кто-то невидимый придержал стрелку часов на соборе Святого Павла. На бумаге было изображено кольцо. Не украшение — сложный механизм с микроскопическими зубьями, сцепленными в мёртвой, безжалостной хватке, точно две шестерёнки, забывшие, что должны вращаться порознь. Даже сквозь грубый уголь угадывался фиолетовый отблеск металла, будто художник видел его во сне и не смог до конца забыть.

Томас побледнел так, что борода на фоне лица показалась ещё блее прежнего. Пальцы его сжали бумагу с такой силой, что она хрустнула, точно сухой лист. Это было кольцо Хронографа. Одно из семи. То самое, что должно было превратиться в пыль в подземельях Александрии четыре года назад, вместе со всем прочим, что он там оставил, — и с тем, что там оставила Маргарет.

— Перед смертью... — Харроу поднял голову, и в его глазах, повидавших не одну войну, стоял неподдельный ужас. — Один из нападавших... человек в сером камзоле... спросил Николаса об одном имени. И когда тот не ответил, перерезал ему горло, глядя прямо в глаза. Не отвернулся, милорд. Смотрел, как смотрят на хорошо сделанную работу.

Элдридж медленно поднял голову. Воздух в комнате вдруг стал густым, как патока, и каждый вдох давался с трудом.

— Он назвал моё имя, Уильям?

Харроу кивнул, и зубы его выбили короткую, судорожную дробь о край оловянной кружки, которую Элизабет так и не успела у него забрать.

— Да, милорд. Они ищут вас. И они знают, что вы — единственный, кто может заставить кольцо вращаться.

В зале воцарилась тишина, прерываемая лишь треском дров в камине да далёким, печальным криком чайки над рекой — звуком, который в это утро показался Томасу насмешкой самой судьбы. Элдридж подошёл к окну. Туман над Темзой начал понемногу рассеиваться, открывая вид на серые воды, текущие в свою неизменную, равнодушную вечность, которой не было дела ни до колец, ни до Хронографов, ни до людей, что за них умирали.

— Значит, океан не поглотил все осколки, — тихо произнёс он, и в голосе его не было страха — лишь безграничная, вековая усталость человека, который надеялся, что закрыл счёт, а счёт открылся заново. — Игра начинается снова, Лиза. Только на этот раз правила будут писать кровью на улицах нашего собственного города.

Элизабет подошла и положила руку на его широкое плечо, чувствуя, как под тканью камзола перекачиваются напряжённые, точно свитые из железной проволоки мускулы отца.

— Что мы будем делать?

Элдридж посмотрел на собственные руки — те самые, что четыре года назад держали умирающий свет разрушенного Сердца Хронографа и не сгорели дотла лишь чудом. Они больше не таяли в золотом сиянии той александрийской ночи, но он знал совершенно точно: стоит хотя бы одному кольцу зашевелиться по-настоящему, и мир, который они так дорого защитили, снова даст трещину — на этот раз, возможно, последнюю.

— Мы найдём их первыми, — сказал он, и в глазах его снова вспыхнул тот холодный, беспощадный свет, который когда-то заставил дрогнуть саму Маргарет Грей при первой их встрече. — Разбуди Ганса. Проверь пистолы. И отправь весточку Дороти, чтобы не ждала нас к ужину. Лондон скоро станет очень тесным местом для тех, кто решил снова поиграть с памятью Бога.

Лондонские доки. Та же ночь.

В туманном лабиринте лондонских доков, где скрип канатов сливался с плеском чёрной воды о просмоленные борта, человек с глазами цвета стали неспешно вертел в пальцах кольцо. Настоящее. Не грубый уголь на клочке дешёвой бумаги, а сам металл — холодный, тяжёлый, живой той жизнью, какой не бывает у мёртвых вещей.

Металл пел под его пальцами — едва слышно, на самой границе слуха, — и в этом тихом, вкрадчивом пении отчётливо угадывался смех самой Бездны, терпеливой и уверенной, что рано или поздно её всё равно позовут обратно.

Глава II. Кровь на Флит-стрит

Флит-стрит никогда не знала тишины. Даже в те часы, когда добропорядочные христиане досматривали вторые сны, эта улица жила своей особой, лихорадочной и немного порочной жизнью — жизнью города, который зарабатывает деньги, даже когда спит. Но утро марта тысяча пятьсот шестьдесят третьего года выдалось особенным. Воздух здесь был густым, как непроваренная овсянка, пропитанным вонью сточных канав, дёгтя и угольного дыма, а туман застрял между высокими, нависающими друг над другом домами, точно не мог решить, в какую сторону улицы ему течь. Он превращал Флит-стрит в узкий каменный каньон, где всякий звук множился, отражался от стен и возвращался обратно, искажённый и чужой.

Колёса тяжёлых телег, гружённых бочками с сельдью, безнадежно вязли в липкой чёрной грязи. Возницы ругались на добром десятке диалектов доброй старой Англии, щёлкая хлыстами так, что звук этот тонул в общем гуле. Лошади фыркали, роняя хлопья пены, и из влажных ноздрей вырывались густые столбы пара, мгновенно тающие в серой мгле. Здесь кипел свой человеческий котёл: суетливые писцы с пальцами, вечно испачканными чернилами, спешили в Судебные инны, прижимая к груди кожаные папки; студенты из Темпла в накрахмаленных воротничках ловко перепрыгивали через нечистоты, стараясь не запачкать новые башмаки; матросы с обожжёнными солью лицами ковыляли к пристани нетвёрдой, ещё не отвыкшей от палубы походкой; патрули королевской стражи в алых камзолах лениво побрякивали алебардами, больше занятые собственным завтраком, чем порядком на улице.

Однако возле трактира «Чёрный кабан» привычный ритм города дал сбой, точно споткнулся на ровном месте. Здесь образовалась застойная зона, маленький островок неподвижности посреди вечного лондонского движения. Люди сбились в плотную кучу, вытягивая шеи и перешёптываясь. В их голосах не было привычного азарта зевак, что сбегаются поглазеть на обычную кабацкую драку. Был только страх — липкий, холодный, тот самый, что заставляет взрослых мужчин говорить шёпотом на пустой улице.

Когда сэр Томас Элдридж проложил себе путь сквозь толпу, гул голосов мгновенно стих, будто кто-то одним движением руки прикрутил фитиль. Его высокая фигура в строгом тёмном камзоле действовала на людей отрезвляюще. Уважение к его имени в этих кварталах было почти осязаемым — оно граничило с суеверным ужасом, тем самым, каким провожают палача или священника, пришедшего к смертному одру. Люди расступались перед ним, как вода перед килем корабля, вжимаясь в стены домов и стараясь не встретиться с ним взглядом.

Внутри трактира время словно остановилось в самый неподходящий момент — точно кто-то одним ударом молотка вбил стрелку часов в циферблат намертво. Воздух был пропитан тяжёлым, металлическим запахом свежей крови, который мешался с ароматом пригорелого жира, едкого дыма из очага и кислого, пролитого эля в один густой, тошнотворный настой. На столах ещё застыл натюрморт прерванной трапезы: на оловянном блюде сиротливо лежала наполовину съеденная жареная свинина, покрытая слоем застывшего белого жира и обрывками луковой шелухи. В деревянных мисках остывала густая чечевичная похлёбка, подёрнутая плёнкой, точно уже смирившаяся со своей участью. Пироги с угрём, надломленные чьей-то торопливой рукой, источали рыбный дух, а рассыпавшиеся по дубовым доскам орехи напоминали брошенные второпях игральные кости — партия, которую никто не успел доиграть.

Но еда больше не интересовала живых. Все взгляды были прикованы к тем, кто больше никогда не проголодается.

Трое мужчин. Трое покойников, разбросанных по залу в нелепых, изломанных позах, в каких не лежат спящие — только мёртвые. Кровь под ними уже начала густеть, превращаясь в тёмные, почти чёрные озёра на неровных досках пола, и в свете нескольких оставшихся свечей эти озёра казались вырезанными из чёрного стекла.

Элдридж медленно, стараясь не запачкать полы плаща, опустился на одно колено рядом с первым телом. Это был наёмник, крепкий малый, чья рука всё ещё сжимала рукоять ножа, который он так и не успел вытащить из ножен до конца. Томас приподнял край его промокшего камзола двумя пальцами, точно листал страницу неприятной книги. Короткий, хирургически точный удар под рёбра. Лезвие вошло снизу вверх, прошив диафрагму и сердце одним движением, без лишней возни.

— Профессионал, — тихо проговорил Элдридж, и голос его прозвучал сухо, как шелест прошлогодних листьев. — Убийца знал анатомию лучше, чем священник — молитвы.

Он перешёл ко второму. Здесь картина была совсем иной. Череп мужчины оказался буквально вдавлен внутрь, точно по нему ударили кузнечным молотом, а не человеческим кулаком. Гематома на виске раздулась в огромную иссиня-чёрную опухоль. Элдридж осторожно коснулся кости под кожей — раздроблена в щепки, ни одного целого места.

— Кулак нечеловеческой силы, — пробормотал он, скорее себе, чем кому-либо ещё. — Либо это был бык в человеческом обличье, либо...

Он не договорил. Его взгляд уже переместился к третьему телу, и договаривать расхотелось.

Это был мастер Николас. Алхимик лежал навзничь на собственном столе, опрокинув кувшин, чьё содержимое смешалось с содержимым его горла в одну лужу. Лицо его было залито кровью из разбитого носа, но горло... горло было перерезано одним глубоким, яростным движением от уха до уха, так, что голова едва держалась. Глаза Николаса остались широко открыты, точно застигнутые врасплох, — навсегда запечатлев в остывающих зрачках последний увиденный им ужас.

— Они искали не золото, — Элдридж поднялся, и в его суставах что-то сухо хрустнуло, напомнив ему о собственных пятидесяти годах. — Они искали истину, которую Николас не захотел отдать бесплатно.

Хозяин трактира, Томас Грейвс — человек, чей живот обычно едва помещался за стойкой, — теперь казался сдувшимся мешком, из которого выпустили половину воздуха. Он нервно вытирал пухлые, дрожащие руки о засаленный фартук, и маленькие глазки его бегали по залу, старательно избегая трупов.

— Да, сэр Томас... Истинный дьявол заходил к нам сегодня, — запричитал Грейвс, и голос его сорвался на визг. — Они требовали вещь. Маленькое металлическое кольцо. Совсем крошечное, сэр, вот такое... — он дрожащими пальцами показал размер не больше дюйма, будто это могло что-то объяснить или оправдать.

Элдридж почувствовал, как внутри него, в самом солнечном сплетении, заворочался знакомый ледяной холод. Тот самый, что он ощущал в подземельях Александрии четыре года назад и надеялся больше никогда не почувствовать. Хронограф. Его фрагменты никогда не были просто металлом — они были семенами хаоса, и сейчас одно из них дало росток прямо здесь, на Флит-стрит, среди недоеденной свинины и опрокинутого эля.

— И кто его взял, Грейвс? Говори чётко, если хочешь, чтобы твоё заведение не опечатали к полудню.

Трактирщик сглотнул, и кадык его дёрнулся, точно сам по себе.

— Человек в сером камзоле и чёрном плаще, сэр. Пугающе спокойный человек. Пока его громила крушил кости, этот... этот господин смотрел так, словно изучал насекомых в банке. От него пахло не элем, сэр. От него пахло старой бумагой и смертью.

В этот момент Уильям Харроу, стоявший у мутного окна, резко напрягся всем телом. Его рука легла на рукоять тесака, а плечи развернулись, готовясь к прыжку, как у пса, почуявшего чужого в собственном дворе.

— Сэр Томас, — процедил он сквозь зубы. — Кажется, мы задержались на месте преступления. У нас гости. Причём те, кто не любит уходить с пустыми руками.

Элдридж медленно развернулся к дверям.

Дубовая створка, жалобно скрипнув, отворилась. Туман с улицы ворвался в душный зал, принося с собой запах сырости и чего-то холодного, чему трудно было подобрать имя. В дверном проёме возникли две фигуры, перекрыв доступ и без того скупому свету.

Первым вошёл гигант. Он был огромен — гора живого, пульсирующего мяса, затянутого в дублёную кожу, и плечи его были шире дверного проёма, так что ему пришлось на мгновение развернуться боком. Кулаки, покрытые старыми мозолями и свежими ссадинами, напоминали гранитные валуны, обточенные не морем, а чужими костями. В его маленьких, глубоко посаженных глазках не было и тени разума — только глухая, первобытная ярость, дремлющая в ожидании команды.

Вторым шёл человек худой, почти тщедушный на вид, — и всё же двигался он с грацией танцора или фехтовальщика, каждое движение просчитано на два шага вперёд. Лицо его было острым, как у хищной птицы, а в правой руке, опущенной вдоль тела, уже мерцал длинный, узкий кинжал-мизерикордия — тот самый, каким добивают раненых сквозь щели доспеха.

В «Чёрном кабане» воцарилась гробовая тишина. Редкие посетители, по глупости не успевшие сбежать раньше остальных, теперь вжимались в стены, стараясь стать невидимыми, слиться с потемневшими от копоти панелями. Даже пламя в очаге, казалось, стало гореть тише, будто и оно решило не привлекать к себе внимания.

Худой человек обвёл зал внимательным, оценивающим взглядом и остановился на Элдридже. На его губах заиграла тонкая, змеиная улыбка, обнажившая ровные, слишком ровные зубы.

— Простите за беспокойство, благородные джентльмены, — голос его был сухим и шелестящим, точно пергамент, который давно пора сжечь. — Но в утренней спешке мы оставили здесь одну досадную мелочь. Бумаги нашего покойного друга Николаса. Записи — вещь хрупкая, их не стоит оставлять без присмотра.

Элдридж не шелохнулся. Его фигура была воплощением спокойствия — но те немногие, кто знал Томаса близко, заметили бы, как опасно сузились его зрачки, точно у кота перед прыжком.

— А я полагал, вы пришли за совестью, — ответил он ровно. — Хотя вряд ли вы знаете значение этого слова. Какую именно запись вы ищете? Ту, где сказано, сколько крови нужно пролить, чтобы заставить металл вращаться?

Худой указал окровавленным кинжалом на тело алхимика, небрежно, точно на предмет мебели.

— Его дневники. Отдайте их, и, возможно, этот славный малый с бычьей шеей, — он кивнул на гиганта, — не превратит ваш череп в кашу прямо на этом столе.

Великан, словно поняв команду без единого слова, сделал тяжёлый шаг вперёд. Доски пола под его весом предупреждающе застонали, точно живые.

Харроу шагнул навстречу, преграждая ему путь. Лицо солдата было бледным, но челюсть сжата так, что желваки ходили ходуном.

— Тебе придётся сначала пройти через меня, кусок навоза, — выплюнул он.

Гигант даже не замедлил шага. Он не использовал приёмов, не фехтовал, не примеривался. Он просто ударил.

Это был страшный удар. Кулак великана, размером с добрую дыню, врезался в грудь Харроу с глухим, костедробильным звуком, от которого у всех, кто это слышал, свело зубы. Уильяма буквально сорвало с места. Он пролетел добрых пять футов и врезался в массивный дубовый стол — доски треснули, посуда разлетелась дождём осколков, и солдат рухнул на пол, захлёбываясь кашлем и хватая ртом воздух, который никак не желал в него попадать.

— Теперь вы, старик, — прошипел худой, стремительно сокращая дистанцию скользящим, почти танцевальным шагом.

Элис когда-то давно, ещё в тех временах, о которых Томас предпочитал не вспоминать вслух, учила его, что в настоящей драке нет места чести — есть только выживание, и побеждает не тот, кто дерётся честно, а тот, кто доживает до следующего рассвета. Эддридж не стал ждать выпада кинжала. Его рука метнулась к столу, хватая тяжёлую, окованную свинцом дубовую кружку, до краёв полную эля. Одним мощным, коротким движением он швырнул её в лицо худому.

Тот не успел уклониться. Кружка врезалась ему прямо в переносицу с отвратительным влажным хрустом. Брызги пива перемешались с фонтаном крови. Худой вскрикнул — тонко, почти по-птичьи, — его идеальная маска спокойствия треснула, но он не упал. Напротив, боль и ярость придали ему сил. Кинжал в его руке пошёл вперёд, целясь Эддриджу прямо в горло.

Томас перехватил его руку в дюйме от собственной кожи. Он почувствовал под пальцами костлявое, напряжённое запястье противника. Короткий, резкий поворот — и в тишине зала раздался отчётливый, сухой хруст ломаемой кости. Кинжал со звоном упал на пол и укатился под перевёрнутую скамью.

Но в этот момент взревел великан. Лишившись противника в лице поверженного Харроу, он бросился на Эддриджа с прытью, неожиданной для такой туши.

Они столкнулись, как два разъярённых быка на весенней ярмарке. Вес гиганта был неимоверным. Эддриджа отбросило назад, к стене; стол, стоявший на пути, перевернулся, и остатки завтрака — пироги, орехи, пролитый эль — полетели во все стороны, превращая пол в скользкое, предательское месиво.

Великан оказался сильнее. Его пальцы, похожие на железные штыри, сомкнулись на горле Эддриджа. Томас почувствовал, как мир вокруг начинает темнеть по краям, а кислород перестаёт поступать в лёгкие, как ни старайся. Гигант давил всем весом, намереваясь просто раздавить шею старика, не тратя времени на изящество.

Но Эддридж был быстрее. И он знал слабые места человеческого тела лучше любого мясника на Смитфилдском рынке.

Собрав последние силы, он резко ударил локтем вверх, в кадык противника. Великан захрипел, хватка на мгновение ослабла. Томас тут же добавил сокрушительный удар коленом в солнечное сплетение — туда, куда бил бы, зная, что второго шанса может не быть.

Гигант отшатнулся, жадно хватая ртом воздух, лицо его побагровело до синевы. Но он не упал. С утробным рыком он выхватил из-за спины огромный мясницкий нож, способный разрубить человека пополам одним взмахом.

В этот момент Харроу, всё ещё отплёвываясь кровью и держась за сломанные рёбра, сумел подняться на четвереньки, а затем и на ноги. Драться в полную силу он не мог — но действовать ещё мог. Схватив тяжёлый дубовый стул, он со всей оставшейся силы обрушил его на широкую спину великана. Дерево разлетелось в щепки, гигант пошатнулся, на мгновение потеряв равновесие, — мгновение, за которое можно было бы прочитать короткую молитву.

Этого краткого мига Эддриджу хватило с избытком.

Он молниеносно выхватил собственный кинжал и, уйдя от неуклюжего замаха ножа лёгким скольльзящим шагом в сторону, оказался за спиной врага. Лезвие прижалось к горлу гиганта, прямо под челюстью, туда, где под кожей отчётливо пульсировала сонная артерия.

— Замри, гора жира, — прорычал Элдридж прямо в ухо великану, чувствуя, как тот дрожит от ярости и невозможности что-либо сделать. — Один дёрг — и твоя кровь зальёт этот пол до самого порога.

В трактире снова воцарилась тишина, нарушаемая лишь тяжёлым, хриплым дыханием троих бойцов да потрескиванием углей в очаге.

Худой человек, держась за разбитое в кровь лицо, медленно поднялся с колен. Нос его был свёрнут набок, оба глаза уже заплывали, но взгляд... взгляд оставался острым и полным ненависти, замешанной на чём-то похожем на азарт. Он смотрел на Элдриджа с каким-то странным, почти научным интересом, точно на удачно поставленный опыт.

— Значит, записи не лгали, — прошептал он сквозь разбитые губы. — Вы всё ещё живы, сэр Томас Элдридж. Старый пёс короны не растерял клыков.

Элдридж сильнее надавил кинжалом на кожу великана, заставляя того замереть окончательно.

— Кто вы такие? И почему вы ищете кольцо, которое должно было сгореть в аду вместе со своим создателем?

Худой человек криво улыбнулся, и на его зубах блеснула свежая кровь. Он выпрямился, несмотря на боль, и отвесил Элдриджу издевательский, почти придворный поклон.

— О, вы должны знать мою фамилию, сэр Томас. Она выжжена на страницах вашей биографии чёрным порошком и слезами. Передайте привет старым временам и призракам, которых вы так и не смогли упокоить.

Он сделал паузу, явно наслаждаясь моментом, точно актёр перед самой удачной репликой пьесы.

— Меня зовут Джон Малверн.

Элдридж почувствовал, как кровь в его жилах на мгновение превратилась в жидкий азот. Малверн.

Сын Артура Малверна. Того самого человека, чьё безумие породило Хронограф, — человека, который погиб в пламени, пытаясь разорвать ткань времени голыми руками и собственной волей. Весь Лондон считал, что род его пресёкся вместе с ним, что наследие стёрто с лица земли так же надёжно, как стирают неудачный набросок мелом.

И теперь его сын стоял перед ним, живой, злой и, судя по всему, куда опаснее своего отца.

— Невозможно, — выдохнул Элдридж. — Ты должен был сгнить вместе с ним, в той же земле.

Джон Малверн рассмеялся — сухим, безрадостным смехом, в котором не было ни капли настоящего веселья.

— Время — забавная штука, не правда ли, сэр Томас? Иногда оно возвращает долги именно тогда, когда их меньше всего ждёшь. Кольцо у нас. И скоро... скоро машина запоёт снова. Но на этот раз дирижировать буду я, а не мой покойный отец.

С этими словами он сделал резкий жест затянутой в перчатку рукой. Великан, не обращая внимания на кинжал у собственного горла, резко дёрнулся назад, сбивая Элдриджа с ног неожиданным рывком всей своей массы. Прежде чем Томас или едва поднявшийся Харроу успели среагировать, худой швырнул под ноги небольшую стеклянную сферу.

Раздался хлопок, и зал в мгновение ока заполнил едкий, чёрный дым, слепящий глаза и обжигающий лёгкие при каждом вдохе.

Когда дым наконец рассеялся, а Элдридж, кашляя и утирая слёзы, поднялся на ноги, в трактире «Чёрный кабан» не осталось никого, кроме мертвецов и дрожащего за стойкой Грейвса. Малверн и его чудовищный спутник исчезли, точно их никогда здесь и не было, —

лишь распахнутая настежь дверь да клубящийся в проёме туман напоминали, что всё это ему не привиделось.

Томас посмотрел на свои ладони. Они мелко дрожали, и это не было холодом марта. Это было предчувствие конца, старое и знакомое, как боль в старой ране перед дождём. Кольцо было у сына создателя. И игра, которую он много лет считал завершённой, только что сделала свой первый — и самый кровавый — ход.

Глава III. Приём в Уайтхолле: танцы на краю пропасти

К вечеру того же дня лондонский туман сменился ледяной изморосью, будто небо решило, что одной формы промозглости городу мало. Сэр Томас Эдридж правил конём, направляясь к Уайтхоллу — колоссальному каменному сердцу Англии, которое даже в темноте безошибочно узнавалось по зареву тысяч окон. Дворец возвышался над берегом Темзы точно лабиринт, созданный не архитектором, а самим временем: бесконечные галереи, тянущиеся на мили и теряющиеся в темноте, внутренние дворы, где эхо шагов превращалось в глухой ропот призраков, и башни, уходящие острыми шпилями в низкое свинцовое небо, точно пытались проткнуть его насквозь.

Факелы у главных ворот уже пылали, их оранжевые языки отчаянно сражались с сыростью и проигрывали медленно, но неотвратимо, отбрасывая на мокрую мостовую дрожание, изломанные тени. Кареты знати, украшенные золочёной резьбой и гербами, медленно, точно неповоротливые жуки, подползали к парадному входу одна за другой. Кони фыркали, выбивая копытами искры из мокрых камней, а лакеи в ливреях сустились, раскрывая зонты над расшитыми шёлком подолами дам, которые старались не запачкать драгоценные туфельки в жидкой мартовской грязи.

Во внутреннем дворе замерла королевская стража, неподвижная, точно вырезанная из камня. Алебарды в их руках блестели холодным, безжалостным огнём, отражая пламя факелов сотней крохотных искр. Эдридж прошёл мимо них, чувствуя на себе внимательные, оценивающие взгляды — стража знала его в лицо, но даже для них он оставался «человеком теней», чьё появление во дворце сулило либо великую милость, либо скорую беду, и никогда ничего между.

Когда тяжёлые створки Большого зала распахнулись, Томаса захлестнула волна тепла, света и звуков разом, точно он ступил из одного мира в совершенно иной. Шум сотен голосов, звон кубков и звуки лютен смешивались в нестройную, пьянящую симфонию. Зал был залит светом тысяч восковых свечей, вставленных в огромные люстры-паникадила, свисавшие с потолка подобно застывшим в воздухе созвездиям. Воздух здесь был тяжёлым, сладким от ароматов мускуса, ладана и дыма дорогих благовоний — после сырости и воню Флит-стрит этот запах казался почти оскорбительным в своей роскоши.

Пир был в самом разгаре. На бесконечных столах, застеленных белоснежным льном, высились горы яств, призванных подчеркнуть величие короны каждым куском. В центре на серебряном блюде восседал жареный лебедь, чьи крылья были искусно восстановлены поварами и украшены позолотой, — птица, которую никто не собирался есть, только созерцать. Рядом истекала соком оленина в густом винном соусе с пряными травами; румяные пироги с нежным голубиным мясом соседствовали с тушёными яблоками, густо посыпанными драгоценной корицей, будто её здесь не считали. Сладости из миндальной муки, засахаренный виноград и гранаты, чьи зёрна походили на россыпь рубинов, манили взоры гостей, ещё не пресыщенных зрелищем. Вино лилось рекой — от светлого рейнского до густого, как кровь, кипрского мальвазия, и Томас невольно подумал, что за один этот стол можно было бы прокормить половину Флит-стрит целый месяц.

Музыканты на галерее перебирали струны виол, и мелодия танца плыла над залом, заставляя придворных дам в кринолинах кружиться, точно дикий виноград, слишком яркие для английского марта цветы. Мужчины же, собравшись группами у колонн, вполголоса обсуждали

последние вести из Франции, морские экспедиции и, конечно, бесконечные слухи, которыми дышал Уайтхолл, как лёгкими.

На возвышении, под балдахином из тёмно-красного бархата, восседала она — Елизавета Первая. На ней было серебристое платье, настолько густо расшитое жемчугом, что оно казалось не тканью, а доспехом, выкованным ювелиром. Её рыжие волосы, уложенные в высокую причёску, сияли, точно застывшее пламя, которое кто-то заставил замереть силой одной только воли. Взгляд её карих глаз оставался неподвижным и ледяным — взгляд хищницы, которая видит насквозь каждого в этом зале, безошибочно отделяя лесть от правды одним движением зрачка.

Но Элдридж искал не королеву. Его взгляд скользил по залу, минуя лица, кубки, драгоценности, пока не остановился у высокого окна, выходящего на ночную реку.

Дороти Стаффорд.

Годы оказались бессильны перед её благородством, хотя и оставили на нём свои неспешные, аккуратные пометки. Она стояла чуть в стороне от общего веселья, кутаясь в тонкую шаль, точно ей одной в этом переполненном зале было холодно. Тёмные волосы её были уложены с безупречной строгостью, а лицо... лицо стало серьёзнее, в уголках губ залегла едва заметная печаль, но глаза всё ещё светились той мягкой, глубокой теплотой, которую Томас хранил в памяти как единственное подлинное сокровище, добытое за всю его беспокойную жизнь.

Когда она почувствовала его взгляд и обернулась, дыхание её на мгновение прервалось. Она не вскрикнула, не подала виду — лишь пальцы судорожно сжали край шали, выдавая то, что лицо привыкло скрывать.

Элдридж подошёл. Между ними остался всего шаг — расстояние, которое они не могли преодолеть десятилетиями, хотя оно и умещалось в одно движение.

— Леди Доротея, — голос Томаса прозвучал хрипло, почти неузнаваемо среди этого праздничного шума.

— Сэр Томас, — тихо ответила она, и в этих двух официальных словах было больше нежности, чем иные умещают в целую поэму.

Они просто смотрели друг на друга несколько долгих секунд — секунд, в которых уместились и пески Египта, и холодные ночи Лондона, и тысячи произнесённых слов, копившихся годами, точно проценты по невыплаченному долгу. Дороти первой отвела взгляд, глядя на то, как свет свечи дробится и подрагивает в кубке с вином.

— Я слышала о том, что произошло утром на Флит-стрит, — голос её дрожал от сдерживаемой тревоги. — Слухи по дворцу бегут быстрее, чем крысы. Говорят о резне.

Элдридж криво усмехнулся, поправляя эфес шпаги — жест, за которым легче было прятать лицо, чем за словами.

— Лондон — грубый город, Дороти. В нём всегда проливают кровь.

Она резко подняла на него глаза, и в них вспыхнула сталь, неожиданная в этом мягком, привыкшем скрывать взгляде.

— Не лгите мне. Я знаю ваш взгляд, Томас. Вы пришли сюда не ради вина и танцев. Вы пришли, потому что тень вернулась.

Томас сделал полшага ближе, склонив голову, чтобы их не могли подслушать любопытные уши, которых в этом зале было больше, чем свечей.

— Малверн жив, — прошептал он. — Сын Артура Малверна. Он был в трактире. У него кольцо, Дороти. Одно из тех, что мы считали потерянными навсегда.

Дороти побледнела так сильно, что жемчуг на её шее показался серым на фоне кожи. Пальцы её мелко задрожали, комкая край шали.

— Сын? Но мы думали... мы были уверены, что весь род погиб в том огне.

— Прошлое — плохой учитель, оно любит оставлять выживших, — Эддридж мрачно кивнул. — И теперь это только начало. Он ищет остальные части. Он хочет закончить то, что не успел его отец.

Музыка на галерее сменилась на более быструю и громкую — начиналась вольта. Придворные пустились в пляс, каблуки застучали по паркету, заглушая тихие разговоры и делая их почти безопасными. В этом внезапном хаосе движения Томас позволил себе то, чего не позволял годами: коснулся её руки. Это было лёгкое, почти невесомое прикосновение пальцев к запястью, но оно отозвалось в обоих ударом тока, будто годы разлуки лишь усилили этот ток, а не ослабили его.

Дороти замерла. Она посмотрела на его руку — на ту самую руку, которая когда-то на её глазах начала истаять из реальности, растворяясь в золотой пыли александрийской ночи. В её глазах мелькнула старая, невыплаканная боль, которую она носила в себе так долго, что почти научилась не замечать её тяжести.

— Томас... — прошептала она.

Она крайне редко называла его по имени во дворце, где стены имели уши, а гобелены — глаза, готовые донести Сесилу о любой оговорке. Это имя было их тайным паролем, ключом к двери, которую оба предпочитали держать закрытой из милосердия друг к другу. Эддридж почувствовал, как вся его сдержанность, копившаяся годами придворной службы, дала трещину — тонкую, но необратимую.

— Я много раз хотел сказать вам это, — заговорил он, и слова его были едва слышны за звуками лютен. — В Александрии, когда я думал, что растворяюсь в небытии без остатка, я жалел лишь об одном. О том, что так и не сказал этого вслух.

Она покачала головой, горько, и в глазах её блеснули слёзы, которые она не позволила себе пролить.

— Не надо, Томас. Не здесь. Не сейчас, когда мир снова начинает трещать по швам.

Но он уже не мог остановиться, точно плотину, державшуюся двадцать лет, прорвало одним движением её руки.

— Я никогда не переставал любить вас, Дороти. Ни в песках, ни в снегах, ни в тишине моего дома на Стрэнде. Вы — единственная константа в моём разрушенном времени.

В зале гремел смех, кто-то уронил кувшин, раздался звон стекла, разлетевшийся по паркету серебряными брызгами, — но для них двоих мир словно схлопнулся до размеров этого маленького пространства у окна, где всё ещё пахло речной сыростью сквозь неплотно пригнанную раму. Дороти медленно, точно во сне, подняла руку. Её пальцы, тонкие и прохладные, коснулись его заросшей щетиной щеки. Она вела ими осторожно, прослеживая старый шрам у глаза, будто проверяла — настоящий ли он, из плоти и крови, не исчезнет ли снова в золотой пыли Хронографа прямо у неё на глазах.

— Я знаю, — прошептала она, и губы её дрогнули. — Я всегда это знала.

И в этот момент, презрев этикет, шпионов Сесила и саму королеву на возвышении, они позволили себе то, на что не решались десятилетиями. Эддридж наклонился, и их губы встретились. Это был короткий, горький и одновременно бесконечно сладкий поцелуй — в нём была ярость прожитых врозь лет и нежность людей, осознавших вдруг с полной ясностью, что завтрашнего дня может не наступить ни для одного из них.

Когда они отстранились друг от друга, Дороти тяжело дышала, точно после долгого бега. Она поправила волосы дрожащей рукой и первой отвела взгляд в сторону трона.

— Королева наблюдает, — тихо предупредила она.

Томас обернулся. Действительно, Елизавета сидела, чуть подавшись вперёд, и с нескрываемым интересом смотрела на них поверх кубка. На её губах застыла странная, понимающая улыбка — улыбка не монарха, но женщины, которая знала тайну этой любви, знала об Элиза-

бет-младшей и в этот миг, кажется, понимала лучше многих, какую цену приходится платить за верность долгу и короне.

Но внезапно выражение лица королевы изменилось. Она посмотрела куда-то за спину Элдриджа, и брови её гневно сошлись на переносице, а улыбка стёрлась, будто её и не было.

Томас почувствовал, как по позвоночнику пробежал холод, не имевший ничего общего с мартовской изморосью за окном. Он медленно развернулся.

У одной из массивных колонн, в тени гобелена, изображавшего триумф Цезаря, стоял человек. Высокий, в безупречном камзоле из тёмно-синего бархата, расшитого серебром так тонко, что узор угадывался лишь при движении пламени свечей. Лицо его было бледным, почти мраморным, а взгляд — неподвижным и мертвенным, как у портрета, который слишком долго провисел в нетопленном зале. Он не танцевал, не пил, не искал ничьего внимания — он просто стоял и смотрел прямо в глаза Элдриджу через весь переполненный зал, будто между ними и не было полусотни шагов, музыки и десятков ничего не подозревающих людей.

— Вы знаете его? — Дороти инстинктивно прижалась к плечу Томаса, почувствовав, как напряглось под тканью его тело.

Элдридж почувствовал, как ладонь сама собой легла на рукоять шпаги. Этот взгляд он не забыл бы никогда, даже если бы прожил ещё столько же лет, сколько уже прожил.

— Да, — процедил он сквозь зубы. — Это тот самый человек, который сегодня утром пытался превратить меня в труп на Флит-стрит. Джон Малверн. И если он здесь, в самом сердце Уайтхолла, значит, у него есть покровители, о которых нам ещё только предстоит узнать.

Малверн едва заметно наклонил голову в сторону Элдриджа, приподнял кубок, точно салютуя старому и уважаемому врагу, — и медленно растворился в толпе придворных, ни разу не оглянувшись. Игра, которую Томас считал завершённой четыре года назад в песках Александрии, переместилась во дворец. И теперь, понимал он, каждое неверное слово, каждый неосторожный взгляд мог стать здесь таким же фатальным, как удар кинжала на Флит-стрит.

Глава IV. Тайный кабинет королевы: шёпот истории

Ночь окончательно поглотила Уайтхолл, превратив его из блестящего центра мира в нагромождение мрачных теней и подозрительных звуков, которых днём здесь будто и не существовало. Отголоски музыки и хмельного смеха из Большого зала всё ещё долетали сюда, в дальние крылья дворца, но здесь они звучали иначе — приглушённые расстоянием и толщиной камня, они больше напоминали призрачные стоны, чем веселье. В бесконечных галереях, где факелы в бронзовых кольцах догорали, пуская тонкие струйки едкого дыма к сводчатым потолкам, воцарилась тишина. Она была тяжёлой, почти физической, точно стены из старого камня годами впитывали в себя все заговоры, что здесь плелись и рушились, и теперь неохотно отдавали накопленное обратно.

Сэр Томас Элдридж шёл вслед за молодым пажом в ливрее цветов Тюдоров. Мальчик двигался быстро и бесшумно, точно дух, привыкший к этим коридорам больше, чем к дневному свету. Шаги самого Томаса, обутого в тяжёлые сапоги из воловьей кожи, гулко отдавались от каменных плит пола, и этот звук казался Элдриджу чересчур вызывающим для места, где полагалось не иметь тени. Он чувствовал, как за гобеленами, изображавшими безмятежные охотничьи сцены, замирает чьё-то дыхание при их приближении. В Уайтхолле, давно знал Томас, даже у пыли на портьерах были уши, и уши эти исправно доносили Сесилу.

Паж остановился у не приметной двери, скрытой за тяжёлой портьерой, — такой невзрачной, что случайный гость прошёл бы мимо неё десять раз, не заметив.

— Её Величество ждёт вас, сэр Томас. Только вас, — произнёс мальчик негромко и тут же исчез в темноте коридора, точно его никогда и не было.

Когда дверь без единого скрипа отворилась, Элдридж оказался в пространстве, которое разительно отличалось от показной роскоши парадных залов, где он провёл последний час. Это был личный кабинет Елизаветы — место, где Англия по-настоящему управлялась, вдали

от жемчуга и лести. Здесь пахло не духами и жареным мясом, а сургучом, старой кожей карт, сосновыми дровами и сухими чернилами — запахами работы, а не праздника.

Обстановка была почти спартанской. Массивный дубовый стол, заваленный свитками и письмами так, что деревья под ними почти не было видно; несколько кресел с высокими спинками, потемневших от долгого использования; огромный камин, в котором с треском догорали поленья, роняя редкие искры на каменный под. На стенах вместо шёлковых обоев висели морские карты с пометками, сделанными быстрой, нетерпеливой рукой, — карты человека, который читает их не для красоты.

У камина, глядя на танцующее пламя, стояла Елизавета Первая. Без своей тяжёлой жемчужной короны, без огромного воротника-фрезы и кринолина она казалась почти хрупкой — женщиной, а не государством. На ней было простое платье из тёмно-зелёного бархата, единственным украшением которого служила золотая цепь на поясе. В этом полумраке она выглядела просто женщиной — усталой, обременённой заботами, чьё лицо в свете огня казалось высеченным из слоновой кости, чуть потемневшей от времени. Почти обычной женщиной. Но только до тех пор, пока она не оборачивалась, — и тогда обычность слетала с неё, как маска.

Рядом с ней, в тени книжного шкафа, стоял мужчина, чьё лицо напоминало острый клинок, слишком долго пролежавший в ножнах. Уильям Сесил, государственный секретарь и верный пёс короны, — эпитет, который сам Сесил, вероятно, счёл бы за комплимент. Его внимательные, вечно ищущие подвоха глаза впились в Элдриджа прежде, чем Томас успел переступить порог, точно оценивая, с какой стороны от него ждать опасности. В Европе Сесила называли самым опасным умом Англии, и Элдридж, знавший его не первый десяток лет, ни разу не усомнился, что это не преувеличение, а трезвая оценка.

Королева медленно повернулась. Её рыжие волосы, освобождённые от шпилек, мягкими волнами упали на плечи, и на мгновение в ней проступило что-то почти девичье, тут же исчезнувшее, стоило ей заговорить.

— Сэр Томас, — голос её был тихим, но в нём вибрировала сталь, отточенная годами правления. — До меня дошли вести, что вы сегодня решили устроить небольшую войну на Флит-стрит. Трактирщик Грейвс до сих пор заикается, когда видит патруль у своих дверей.

Элдридж отвесил глубокий, церемонный поклон, ниже, чем требовал протокол, — жест, призванный купить себе лишнюю секунду на подбор слов.

— Лондон умеет провоцировать неприятности, Ваше Величество. Иногда приходится отвечать на языке, который понимает улица, — иного она не слышит.

Сесил, не меняя позы, тихо усмехнулся — звук был похож на шелест сухого пергамента под сквозняком.

— Иногда неприятности приходят сами, сэр Томас. Особенно когда они вооружены кинжалами и ищут того, кто много лет назад имел неосторожность перейти им дорогу.

Елизавета подошла ближе, шурша тяжёлым бархатом подола по каменным плитам. В тусклом свете свечей взгляд её стал острым и пронзительным, точно клинок, наконец вынутый из ножен. Она остановилась в двух шагах от Элдриджа, и он уловил едва заметный аромат шалфея — запах, который она всегда носила с собой, ещё с тех пор, как он впервые представился ей юной принцессой в опале.

— Оставим дворцовые любезности для тех, кто танцует внизу, — отрезала она без предисловий. — Скажите мне прямо, Элдридж. Всё, что произошло сегодня — кровь, поиски, тени прошлого... Это связано с той машиной? С Хронографом?

Томас поднял глаза и встретил её взгляд, не отводя своего. В комнате стало так тихо, что было слышно, как в камине едва слышно оседает зола. Секунды растягивались, превращаясь в нечто похожее на вечность. Он вспомнил сияние Александрии, крики погибающих знаний в тесных коридорах под землёй и холод металла в собственных руках, который до сих пор иногда возвращался ему по ночам.

— Да, Ваше Величество.

Сесил медленно сложил руки на груди, и лицо его, казалось, осунулось ещё сильнее в тусклом свете камина.

— Мы надеялись, — начал он низким, ровным голосом человека, привыкшего произносить неприятные вещи, не повышая тона, — что после того, как вы вернулись из Александрии с пустыми руками и рассказами о руинах, эта история наконец закончилась. Мы похоронили её под ворохом отчётов и печатей.

— Я тоже на это надеялся, Уильям, — ответил Элдридж устало. — Но время — плохой мертвец. Оно всегда находит способ выбраться из собственной могилы, сколько бы земли на него ни бросили.

Королева отошла к столу, где лежала огромная, раскрашенная вручную карта Европы, испещрённая пометками и линиями. Её пальцы, украшенные лишь одним перстнем-печаткой, скользнули по границам государств, точно она ощупывала их на прочность.

— Европа сейчас — это пороховая бочка, Элдридж. Франция раздираема религиозными войнами настолько, что скоро не останется различия между католиком и трупом. Филипп Испанский спит и видит, как наши берега окажутся под его сапогом. Священная Римская империя — клубок змей, каждая из которых мнит себя единственной ядовитой. Все они смотрят на Англию, выжидая момент нашей слабости, точно стервятники над раненым зверем.

Она резко развернулась, и глаза её вспыхнули гневом и тревогой одновременно.

— И если кто-то из них сможет управлять временем... если кто-то получит власть над прошлым, он сможет переписать саму суть истории. Он сделает так, что Тюдоры никогда не взойдут на трон. Он сделает так, что Англия станет лишь провинцией Испании, а моё имя — сноской в чужих хрониках.

Сесил добавил, делая шаг из тени навстречу свету камина:

— Тот, кто владеет Хронографом, владеет не просто часами, Ваше Величество. Он владеет королями. И он решает, кому из них суждено родиться, а кому — пасть на эшафоте прежде срока.

Элдридж сжал челюсти так, что заболели зубы под кожей.

— Сегодня утром я видел человека, — произнёс он ровно, хотя каждое слово давалось с усилием. — Он назвал себя Джоном Малверном. И он был в Большом зале всего полчаса назад, в двадцати шагах от вашего трона.

Сесил резко поднял голову, глаза его расширились впервые за весь разговор.

— Сын Артура Малверна? Тот самый щенок, что исчез после пожара в мастерской своего отца, и которого мы четверть века считали мёртвым?

— Да. И он вырос, Уильям. Теперь это не испуганный ребёнок, прячущийся в чужой тени, а хладнокровный хищник с собственными зубами. И у него, судя по всему, есть поддержка — иначе как он попал в этот зал мимо вашей стражи?

Королева медленно прошла по комнате, её шаги были почти неслышны на плотном ковре. Она остановилась у окна. За стеклом туман, густой и серый, поднимался от Темзы, скрывая очертания лондонских крыш, точно город прятался от собственного будущего.

— Значит, прошлое всё-таки вернулось за долгом, — прошептала она, почти не обращая ни к кому из них, скорее к собственному отражению в тёмном стекле. — Оно всегда возвращается. Рано или поздно.

Она стояла спиной к ним, глядя в темноту, а затем обернулась разом, одним движением, точно приняв решение. В глазах её теперь горела та самая холодная, беспощадная решимость, за которую её уважали союзники и смертельно боялись враги по всей Европе. В этот момент она снова была Глорианой, Королевой-Девой, чья воля была законом, не подлежащим обсуждению.

— Сэр Томас. Это ваше бремя. Вы начали эту историю четыре года назад, вам её и заканчивать. Я хочу, чтобы вы нашли этого человека. Где бы он ни прятался — в трущобах Сауту-

орка или в посольских дворцах, среди нищих или среди герцогов. Найдите его и остановите. Любой ценой.

Элдридж посмотрел ей прямо в глаза, не опуская взгляда, как не опускал бы перед равным.

— Любой, Ваше Величество? Даже если это потребует пролить кровь тех, кто носит шёлк, а не рубище? Даже если мне придётся сжечь половину Лондона, чтобы выкурить его из нор?

Елизавета не отвела взгляда.

— Любой. Англия дороже отдельных жизней. Дороже моей и вашей, сэр Томас, как бы горько это ни звучало для нас обоих.

Сесил подошёл к столу и взял небольшой кожаный мешочек, спрятанный под грудой бумаг, точно припасённый для этого самого момента. С глухим, сухим звуком он высыпал его содержимое на тёмное дерево столешницы.

Это был металлический предмет. Маленькое кольцо, не больше дюйма в диаметре. Его поверхность мерцала странным, фиолетово-бронзовым светом, а микроскопические шестерни внутри, казалось, жили собственной, независимой жизнью, не нуждаясь ни в чьей воле. Кольцо слабо вибрировало, издавая звук, едва слышимый человеческим ухом, — тонкий, вкрадчивый писк умирающей звезды, которая всё ещё не смирилась с собственной смертью.

Элдридж побледнел так, что шрам у глаза проступил резче обычного. Рука его невольно потянулась к столу, но он вовремя остановился, точно одёрнул сам себя.

— Где вы это нашли? — голос его сорвался на середине фразы. — Это кольцо... это седьмой сегмент. Тот, что отвечает за синхронизацию всех остальных.

Сесил посмотрел на него со смесью триумфа и глубокого, почти суеверного ужаса.

— Сегодня утром наши люди обыскали тайник в багаже французского посла. Он собирався вывезти это в Париж под дипломатической печатью, среди перчаток и надушенных писем, будто это простая безделица.

В кабинете воцарилась мёртвая тишина, в которой было слышно лишь, как бьётся сердце Томаса — тяжело, ритмично, отдаваясь в висках.

Королева медленно подошла к кольцу, но не решилась коснуться его, остановив руку в полудлани над столом.

— Похоже, сэр Томас... — голос её дрогнул, и впервые за весь разговор в нём прозвучала не государственная забота, а настоящая, человеческая тревога, которую она годами училась прятать от посторонних глаз. — Эта игра ведётся уже не только в переулках Флит-стрит. В неё играют короли и послы. И кажется, мы в этой партии — не единственные игроки, и, возможно, даже не главные.

Томас посмотрел на кольцо. Оно лежало на карте Европы прямо посреди Ла-Манша, маленькое, блестящее и бесконечно опасное, — точно кто-то нарочно уронил его именно туда, разделяя два берега одной узкой полоской фиолетового света.

— Время пошло, Ваше Величество, — тихо сказал он, и в голосе его не было ни капли прежней иронии. — И боюсь, у нас его осталось совсем немного.

Глава V. Ночь у Темзы: сделка в тени виселиц

К полуночи Лондон превратился в призрачное царство, будто дневной город был лишь маской, которую снимали на несколько часов. Туман над Темзой загустел настолько, что стал похож на серое сукно, наброшенное на грехи великого города, — сукно достаточно плотное, чтобы скрыть даже самые вопиющие из них. В портовых кварталах, где воздух был пропитан едким коктейлем из сосновой смолы, тухлой рыбы, мокрой гниющей древесины и кислого запаха дешёвого вина, зрение становилось почти бесполезным, годным разве что на несколько шагов вперёд. Здесь правили слух и интуиция, а тот, кто полагался только на глаза, обычно не доживал до утра.

Фонари на причалах почти не горели — в доках Саутуорка свет не жаловали по давней, отработанной поколениями привычке. Лишний блик на маслянистой воде мог стоить жизни контрабандисту или вору, а потому единственными ориентирами служили скрип мокрых досок под ногами да мерный, тяжёлый плеск воды о склизкие сваи. Глухие удары канатов о мачты невидимых во тьме кораблей напоминали отдалённый бой барабанов, созывающих призраков на пир, начало которого никто не объявлял вслух.

Сэр Томас Элдридж и Уильям Харроу шли вдоль кромки берега, стараясь держаться в самой густой тени, какую только могли найти. Томас закутался в тёмный плащ, скрывая под ним и рукоять шпаги, и бледность собственного лица. Харроу, чьи рёбра после утренней схватки были туго перебинтованы грубым холстом, дышал тяжело, с присвистом, но уверенно сжимал в руке увесистую дубинку с железным набалдашником, точно она одна и держала его на ногах.

— Французский корабль «Летучая лилия» стоит у третьего причала, — прошептал Харроу, пригибаясь за горой пустых бочек из-под сельди. — Но груз вынесли час назад. Его переправили в тот склад, что стоит на отшибе, у самой мертвецкой.

Элдридж кивнул, всматриваясь в марево, будто мог разглядеть в нём что-то помимо тумана.

— Посол де Фуа редко путешествует без целого полка охраны и свиты. Странно, что он выбрал такое место для тайника.

— Это не посол, — Харроу сплюнул в тёмную воду, и глаза его азартно блеснули, несмотря на боль. — Мои люди донесли, что всем заправляет женщина.

Элдридж резко остановился, его сапог едва не скользнул по мокрому мху на камнях.

— Женщина? В центре заговора с Хронографом?

Харроу криво усмехнулся, потирая ноющий бок свободной рукой.

— Говорят, она умнее половины министров в Париже и вдвое опаснее любого мушкетёра. Её называют «Чёрным лебедем» Екатерины Медичи — и, судя по тому, что о ней болтают в тавернах, имя это она заслужила не за красивое оперение.

Они бесшумно, точно две тени, оторвавшиеся от стен, подошли к низкому каменному складу. Здание выглядело заброшенным: крыша просела, окна были заколочены наспех сколоченными досками, но из узкой щели под дверью и одного разбитого окна пробивался ровный, тёплый, золотистый свет свечей — свет, совершенно неуместный в этом царстве гнили и тьмы. Изнутри доносились негромкие голоса и деликатный звон посуды, будто там шёл не заговор, а званый ужин.

Когда Элдридж осторожно заглянул в разбитое окно, он замер. Картина внутри была начисто лишена портовой грубости, к которой он готовился.

В центре заставленного ящиками помещения стоял изящный складной стол, покрытый чистым, безукоризненно белым льном. За ним сидела женщина. Перед ней на оловянном блюде дымился жареный угорь в чесночном соусе, лежал ломоть белого хлеба, и стоял высокий хрустальный кубок, наполненный густым красным вином, отблёскивавшим рубином в свете свечей. Она ела не спеша, с той безупречной аристократической грацией, точно находилась не в вонючем складе среди крыс и контрабанды, а в обеденном зале Лувра, среди мрамора и зеркал.

Волосы её были чёрными и гладкими, как вороново крыло, а лицо — бледным, с высокими скулами и губами, тронутыми лёгкой, почти незаметной усмешкой, которая, казалось, никогда не покидала их до конца. На ней было простое, на первый взгляд, платье из тёмного шёлка, но крой выдавал руку лучшего портного Франции — такую работу не спутаешь с провинциальной подделкой. Её глаза — холодные, внимательные и бездонные, точно колодцы, — вдруг сместились в сторону окна, будто она почувствовала взгляд раньше, чем увидела его источник.

Она подняла глаза и, не меняясь в лице ни на йоту, посмотрела прямо в глаза Элдриджу через грязное стекло. Она не испугалась. Она ждала — так ждут гостя, чьё опоздание уже начало становиться неприличным.

— Месье Элдридж, — произнесла она на французском, и голос её был подобен бархату, под которым угадывалась сталь. — Ваша пунктуальность делает вам честь. Я уже начала беспокоиться, что лондонский туман поглотил вас раньше времени и мне придётся ужинать в одиночестве.

Харроу за спиной Томаса непроизвольно выдохнул:

— Чёрт... Она нас почуяла ещё у ворот.

Элдридж толкнул дверь. Она подалась на удивление легко, не издав ни единого скрипа — петли были свежесмазаны совсем недавно, будто их готовили именно к этому визиту. Они вошли внутрь, и запах жареной рыбы и дорогого вина на мгновение перебил стойкую вонь гнили и смолы, повисшую снаружи.

— Вы знаете моё имя, мадам, — сказал Элдридж, останавливаясь в нескольких шагах от стола. Рука его не покидала эфеса шпаги. — А я вашего — нет. В моём списке врагов слишком много имён, чтобы угадывать наугад.

Она улыбнулась, и в свете свечей зубы её блеснули, точно жемчуг на бархате.

— Изабель де Рошфор. К вашим услугам, сэр Томас. Хотя, признаться, я надеялась встретить вас при менее... антисанитарных обстоятельствах. — Она изящным жестом указала на свободное кресло напротив себя. — Присаживайтесь. Угорь сегодня превосходный, его поймали всего два часа назад у Темпл-Бар. А красное вино из моих собственных виноградников в Бордо поможет разогнать сырость в ваших костях лучше любого лондонского эля.

Элдридж остался стоять, его фигура казалась монолитом среди колеблющихся теней склада.

— Я пришёл сюда не за ужином. У вас есть то, что принадлежит короне Англии. Часть Хронографа.

Изабель сделала неспешный глоток вина, смакуя букет так, будто в мире не существовало ничего срочного.

— Возможно. Металл — это всего лишь металл, не так ли? Вопрос лишь в том, в чьих руках он находится в данный конкретный момент.

— И вы работаете на Джона Малверна, — процедил Элдридж, делая шаг вперёд. — Вы помогаете ему собрать машину, которая уничтожит порядок вещей.

Изабель рассмеялась — тихо, грудно, и в этом смехе было столько искреннего пренебрежения, что оно почти прозвучало как оскорбление.

— О нет, месье Элдридж. Вы меня оскорбляете сравнением. Я никогда не работаю на фанатиков. Малверн — это человек, одержимый мстью, а мсть — плохой союзник в большой политике, слишком уж она предсказуема. Я работаю на Францию. На её величие и её безопасность.

Харроу, стоявший у двери, резко вклинился в разговор:

— Тогда почему французская шпионка встречается с безумцем, который собирает машину времени? Что в этом общего с «величием Франции»?

Изабель поставила кубок на стол и посмотрела на солдата так, словно увидела говорящую лошадь, — с вежливым, чуть насмешливым удивлением.

— Потому что Франция не любит проигрывать, господин Харроу. Если в мире появится сила, способная менять прошлое, Франция должна либо владеть этой силой, либо убедиться наверняка, что её не существует вовсе. Третьего попросту не дано.

В этот момент тишина склада была взорвана без предупреждения. Дубовая дверь разлетелась в щепки от мощного удара снаружи, и в проёме на мгновение возникла брешь, полная тумана и опасности.

Внутри ворвались пятеро. Они не были похожи на солдат — это были «псы войны», наёмники из самых низов лондонского дна, для которых убийство было ремеслом не хуже любого другого. Засаленные камзолы, лица, изборождённые старыми шрамами, и глаза, в которых не было ничего, кроме голодной жажды наживы. В руках у них блеснули длинные ножи и кривые короткие сабли, отражая пламя свечей холодными бликами.

Изабель даже не обернулась. Она продолжала сидеть, глядя на свой кубок, лишь брови её едва заметно приподнялись, точно от лёгкой досады.

— А вот и ваши преследователи, месье Элдридж. Похоже, мистер Малверн не отличается терпением — как, впрочем, и хорошими манерами.

Первый нападавший, огромный детина с выбитыми зубами, бросился к Харроу, заноса саблю над головой. Уильям, несмотря на боль в рёбрах, встретил его со всей яростью старого ветерана, которому нечего терять. Короткий выпад дубинкой, перехват — и кулак Харроу врезался в челюсть наёмника с сухим, отчётливым звуком. Раздался хруст кости, и человек рухнул в пыль, роняя оружие из обмякшей руки.

Второй нападавший зашёл сбоку, целясь Элдриджу в бок длинным стилетом. Томас среагировал инстинктивно, на одной лишь мышечной памяти, наработанной десятилетиями. Он отступил на полшага, позволяя лезвию прорезать лишь воздух, перехватил запястье врага железной хваткой и с силой провернул его. Наёмник взвыл, когда его собственное лезвие вошло ему же в плечо по самую рукоять.

Третий оказался быстрее и опытнее остальных. Он не кричал, он просто двигался, экономно и страшно. Сабля в его руке вспыхнула в свете лампы, описывая смертоносную дугу. Элдридж не успевал обнажить шпагу в тесноте между ящиками — не хватало пространства для замаха. Взгляд его метнулся к столу в поисках хоть чего-нибудь.

Схватив тяжёлую, ещё не початую бутылку бордо, Томас одним махом разбил её о голову нападавшего. Стекло разлетелось мириадами кровавых от вина брызг, тёмная жидкость смешалась с настоящей кровью, и человек мешком повалился на доски пола.

Но ситуация становилась критической. Из тени в глубине склада выступил великан — не тот, что был утром в «Чёрном кабане», а новый, вооружённый тяжёлой кованой дубинкой, покрытой шипами. Он обрушил удар на Харроу. Уильям успел подставить блок, но сила была такова, что дубинка солдата треснула пополам, и он упал на одно колено, хватаясь за раненые рёбра с искажённым от боли лицом.

Изабель де Рошфор медленно поднялась из-за стола. Движения её были лишены всякой суеты, точно она вставала не навстречу опасности, а к десерту. Одним неувловимым движением она выхватила из потайного рукава тонкий, как игла, кинжал-стиллет. Пока великан заносил дубинку для последнего, добивающего удара по Харроу, она скользнула ему за спину бесшумно, как собственная тень. Короткий, точный выпад под левую лопатку.

Гигант замер на середине замаха. Глаза его расширились в немом изумлении, дубинка выпала из внезапно ослабевших рук, и он рухнул вперёд, едва не придавив собой Харроу.

Через несколько секунд всё было кончено. Двое нападавших были мертвы, остальные стонали на полу, не в силах подняться и не пытаясь больше нападать. Склад снова погрузился в тишину, если не считать тяжёлого, хриплого дыхания Харроу да потрескивания свечей на столе.

Изабель спокойно достала из рукава шёлковую салфетку и вытерла лезвие своего стилета, прежде чем спрятать его обратно, — с той же неспешностью, с какой минуту назад пила вино. Она выглядела так, словно только что закончила скучный, слегка затянувшийся ужин, а не поединок не на жизнь, а на смерть.

— Видите, месье Элдридж, — она вернулась к своему креслу и подняла кубок. — У нас с вами гораздо больше общего, чем вам кажется. У нас одни и те же враги. И они очень не любят, когда им мешают ужинать.

Элдридж подошёл к ней, вытирая кровь со щеки — не свою, чужую. Взгляд его был тяжёлым и холодным.

— Джон Малверн прислал их за вами или за мной?

Она кивнула, глядя на тела на полу с тем же отстранённым интересом, с каким разглядывала бы неудачное блюдо.

— За обоими сразу. Ему не нужны свидетели, и ему не нужны конкуренты — он предпочитает работать в одиночестве. Он собирает Хронограф, Элдридж. Это уже не просто слухи из третьих уст.

Она полезла в глубокий карман своего платья и достала маленький металлический предмет. Кольцо. Оно было почти идентично тому, что Томас видел у Сесиля несколькими часами ранее, но его шестерни вращались в другую сторону, издавая едва слышное тиканье, больше похожее на шёпот, чем на механический звук.

— Малверн ищет фрагменты по всей Европе, — Изабель крутила кольцо в тонких пальцах, наблюдая, как оно ловит свет свечей. — Прага, Венеция, Александрия... Он собирает их, как части дьявольской головоломки, терпеливо и методично. И Лондон — это его финальная точка на карте.

Она подняла взгляд, и в её холодных глазах Элдридж впервые за весь разговор увидел что-то похожее на истинный, глубокий страх, тщательно спрятанный под слоем светской невозмутимости.

— Он не просто хочет власти, Элдридж. Он хочет мести всей вашей династии. Он собирается использовать машину, чтобы изменить один-единственный момент в прошлом.

Томас почувствовал, как мороз пробежал по его коже, несмотря на память о недавнем жаре камина в кабинете королевы.

— Какой момент?

Изабель сделала паузу, и в тишине склада, нарушаемой лишь стоном раненых, её слова прозвучали как смертный приговор, произнесённый ровным, светским тоном:

— Он хочет предотвратить рождение королевы Елизаветы Тюдор. Он собирается стереть её из истории в ту самую ночь тысяча пятьсот тридцать третьего года, когда её мать, Анна Болейн, разрешилась от бремени.

Элдридж почувствовал, как мир вокруг него качнулся, будто пол склада на мгновение ушёл из-под ног. Если Елизавета исчезнет из прошлого, Англия, какой они её знали — протестантская, гордая, независимая, — превратится в пепел, которого никто даже не заметит. Сама реальность начнёт распадаться по швам, и миллионы жизней просто перестанут существовать, так, будто их никогда и не было, — ни рождения, ни смерти, ни памяти о них.

— И тогда, — тихо добавила Изабель, — на трон взойдёт совсем другой человек. Человек, который превратит этот остров в кладбище под собственным гербом.

Томас посмотрел на кольцо в её руках. Оно больше не казалось просто металлом, забавной диковинкой с востока. Оно было ключом к бездне, и кто-то уже вставлял этот ключ в замок.

— Похоже, мадам, — прошептал Элдридж, — нам придётся забыть о Ла-Манше и старых обидах. Потому что если Малверн сделает свой ход, у нас не останется даже истории, в которой мы могли бы позволить себе роскошь ненавидеть друг друга.

Глава VI. Тайна дома на Стрэнде: осколки правды

Предрассветный час в Лондоне — самое честное время, когда город ещё не успел надеть дневную маску притворства. К четырём утра туман над Темзой превращался в плотную, влажную вату, которая крала звуки и очертания без остатка. Река дышала холодом, и этот холод просачивался сквозь щели в ставнях, заползал под воротники и заставлял камни домов плакать мелкой, унылой росой. Город ещё спал тяжёлым, нездоровым сном, каким спят после долгого пьяного вечера, но дом сэра Томаса Элдриджа на Стрэнде уже пробуждался — не от рассвета, а от собственного внутреннего напряжения, которое не давало заснуть никому под этой крышей.

Когда Томас толкнул тяжёлую дубовую дверь, он сразу увидел полоску света, пробивающуюся из-под двери большой залы. Сердце его, давно привыкшее к ритму сражений и не привыкшее вздрагивать по пустякам, предательски екнуло. В этом доме свет в такой час означал только одно: ожидание, которое стало невыносимым для того, кто ждал.

Внутри пахло догорающей сосной и воском. В камине, некогда ярко пылавшем, теперь лишь тихо потрескивали угли, подёрнутые седым пеплом, точно старики, доживающие последние минуты. На дубовом столе, между тяжёлыми подсвечниками, стоял поднос — молчаливое проявление заботы, которую Томас ценил превыше всех королевских почестей, вместе взятых. Баранина, тушённая с крупным луком и кореньями, уже остыла, покрывшись тонким слоем белого жира. Рядом лежал надломленный ломоть хлеба, кусок твёрдого сыра и кувшин с лёгким анжуйским вином, к которому, судя по всему, так никто и не притронулся.

Элизабет сидела в глубоком кресле у огня. Фигура её, окутанная шалью из грубой шерсти, казалась неподвижным изваянием, высеченным из той же тени, что заполняла комнату. Когда Томас вошёл, она медленно подняла глаза. В их глубине не было сонливости — только острая, лихорадочная ясность человека, который не спал не из-за бессонницы, а из-за мыслей, не дающих покоя.

— Вы ранены? — голос её прозвучал негромко, но заполнил комнату, точно удар камертона.

— Нет, Лиза, — Элдридж начал снимать плащ, чувствуя, как ноет плечо, куда пришёлся удар в складе. Она поднялась и подошла ближе, взгляд её скользнул по камзолу отца, безошибочно замечая запёкшуюся кровь на рукаве и тёмное пятно от разбитой бутылки вина. — Но драка была. И судя по запаху, вы сражались то ли в винном погребе, то ли в портовом складе — а может, и там, и там сразу.

Элдридж криво усмехнулся, опускаясь на стул. Усталость навалилась на него разом, свинцовым грузом, точно всё напряжение этой бесконечной ночи выбрало именно этот момент, чтобы дать о себе знать.

— Лондон — беспокойный город, Лиза. Ночью здесь даже тени имеют зубы, и некоторые из них весьма острые.

Элизабет не улыбнулась в ответ. Она стояла прямо перед ним, и в неверном свете догорающих свечей сходство её с Дороти было почти пугающим — те же высокие скулы, та же гордая посадка головы, не нуждающаяся в короне, чтобы её заметили. Но взгляд был его, Томаса. Ищущий, анализирующий, беспощадный к любой лжи, даже самой удобной.

— Это снова связано с Хронографом? — спросила она так буднично, словно речь шла о погоде или о ценах на зерно на рынке.

Элдридж замер, так и не донеся кубок с вином до губ. Воздух в комнате внезапно стал разреженным, точно из неё разом выкачали половину.

— Кто... кто сказал тебе это слово, Лиза? — голос его стал низким и опасным. — Это слово — проклятие. Оно убивает тех, кто его произносит вслух, ты даже не представляешь, скольких уже убило.

Она спокойно выдержала его взгляд, не отводя глаз.

— Мама.

Имя Дороти Стаффорд повисло между ними, точно невидимый занавес, разделивший комнату надвое. Элдридж медленно поставил кубок на стол — так медленно, будто боялся, что резкое движение разрушит и без того шаткое равновесие момента. Он почувствовал, как реальность, которую он так тщательно выстраивал вокруг дочери, защищая её неведением, точно самой прочной из броней, начала рассыпаться прямо у него на глазах.

— Когда?

— Несколько лет назад. В Уайтхолле, во время летнего солнцестояния, — Элизабет отошла к окну. За стеклом туман начинал окрашиваться в грязно-серый цвет — предвестник

холодного, неохотного солнца. — Она сказала, что наступит день, когда мой опекун вернётся домой поздно ночью. И что в его глазах я увижу тот самый взгляд, который она когда-то видела в Александрии.

Томас почувствовал, как по спине пробежал холодок, не имевший отношения к сырости за окном.

— И какой же это взгляд, по её мнению?

Элизабет обернулась. Свет камина выхватил блеск слёз в её глазах — слёз, которые она не позволила себе пролить, точно давно решила для себя, что плакать в этом доме не время.

— Взгляд человека, который снова увидел прошлое. И который понял, что оно пришло, чтобы забрать долги. Все, до последнего пенни.

Несколько секунд в доме царила мёртвая тишина, нарушаемая лишь возней мышей за деревянными панелями.

— Малверн жив, — наконец произнёс Элдридж. Слова эти были как признание поражения, вырванное силой. Лиза не вздрогнула. Она восприняла их как неизбежность, которую давно предчувствовала.

— Сын? Тот ребёнок, о котором мама писала в своих зашифрованных дневниках?

— Да. Он выжил. И он пришёл в Лондон не за милостыней, Лиза. У него части машины, и, судя по всему, он умеет ими пользоваться.

Элизабет подошла к столу, взяла нож и уверенным, почти мужским движением отрезала кусок хлеба, точно ей нужно было занять руки, чтобы не выдать волнения. Её спокойствие пугало Элдриджа сильнее, чем ярость великана в трактире этим утром.

— Тогда всё начинается снова, — произнесла она ровно. — Круг замыкается.

Томас внимательно посмотрел на дочь. В её движениях, в самом тоне голоса было что-то новое — какая-то странная, недетская осведомлённость, которой не должно было быть у молодой женщины её лет.

— Ты говоришь так, Лиза, словно знала, что этот день настанет. Словно ты его ждала.

Она тихо ответила, не поднимая глаз от хлеба в своих руках.

— Возможно. В этом доме слишком много потайных мест, отец. И слишком много теней, которые нашёптывают правду по ночам тому, кто готов слушать.

Слово «отец» заставило Элдриджа вздрогнуть — едва заметно, но она это увидела. Холод, который он чувствовал всю ночь, превратился в ледяную корку вокруг самого сердца.

— Элизабет... — голос его сорвался. — Что именно рассказала тебе твоя мать? Что она доверила тебе за моей спиной, пока я считал, что храню самую надёжную тайну в Англии?

Она долго молчала, глядя на нож в своей руке, точно взвешивая, стоит ли говорить дальше. Потом медленно подняла голову.

— Она рассказала мне, почему вы смотрите на меня с такой нежностью и такой болью одновременно, отец. Она рассказала, чья кровь течёт в моих жилах. Она рассказала, кто мой настоящий отец.

Слова прозвучали тихо, почти как молитва, но ударили Элдриджа сильнее любого меча, когда-либо направленного в его сторону. Все те годы, что он хранил эту тайну, боясь разрушить её жизнь, боясь гнева королевы, боясь собственной слабости больше, чем вражеского клинка, — всё это оказалось напрасным. Она знала. Возможно, знала уже давно.

Томас опустил взгляд на свои мозолистые, покрытые старыми шрамами руки.

— Я хотел... я собирался сказать тебе это сам. Когда всё закончится. Когда Хронограф будет уничтожен навсегда, а не только с виду.

Элизабет мягко, почти по-детски улыбнулась — впервые за весь разговор.

— Я знаю. Вы всегда хотели уберечь меня от шторма, отец, забывая, что я выросла на самом берегу этого шторма и давно научилась слышать его дыхание.

Она подошла ближе и впервые за всю его жизнь коснулась его руки не как воспитанница, а как дочь, имеющая на это полное право. Пальцы её были тёплыми, несмотря на предрассветный холод, царивший в доме.

— Вы хороший человек, отец. Самый лучший из тех, кого я знаю в этом лживом городе, а я, поверьте, повидала здесь достаточно, чтобы иметь право на такое суждение.

Для Элдриджа это признание было тяжелее и ценнее любой награды из рук королевы, весомее любого титула. Но в ту же секунду лицо Элизабет изменилось. Мягкость исчезла без следа, уступив место суровой, почти пугающей в своей взрослости решимости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.